

Плейлист

Glass Animals – Heat Waves
Nickelback – How You Remind Me
Duncan Laurence – Arcade
BANKS – Beggin For Thread
Astrid S – Hurts So Good
Fleurie – Love And War
John Newman – Love Me Again
Sofia Karlberg – Toxic
Bahari – Bipolar
Rosenfeld – I Want You
Imagine Dragons – Wrecked
Sam Smith – Fire On Fire
Normani ft. Cardi B – Wild Side
Royal Deluxe – I'm A Wanted Man
Maroon 5 – Lost

Я помню, как плакал мой малыш, когда его забивали у меня. Помню жестокие руки, что отняли моего сына. Руки человека, которого я когда-то безумно любила и иступленно ненавидела. Руки Марка Загорского.

В тот дождливый вечер люди Загорского выпустили в нас с мужем девять пуль, но, к их беде, я выжила. Похоронив воспоминания обо мне, Марк наслаждается новой спокойной жизнью в моем доме. Но ему осталось недолго, ведь я воскресла и вернусь, чтобы забрать свое.

Пролог

Полина

— **З**автра уже будем дома, мой хороший. — Я провожу пальцами по его головке, по мягким светлым волосам на макушке, и мое лицо невольно озаряется счастливой улыбкой.

Младенец сладко причмокивает во сне, и я, любуясь им, думаю о том, что теперь все будет по-другому.

Сын. Мой сын...

Мне до сих пор не верится, что это произошло. Что я уже несколько дней мама. Мама! И рядом со мной на кровати спит мое самое главное сокровище в жизни. Человек, которому я подарю всю свою любовь.

— Ты такой красивый, — шепчу я ему, — с ума можно сойти.

Мне кажется, что во мне так много чувств, что ими можно затопить целый город. Нет, всю Вселенную. Эмоции переполняют меня и хлещут через край, сердце колотится и вырывается из груди. Я сама — одно большое сердце, легкое, как воздушный шарик, готовое улететь в небеса.

Подношу палец к его ладошке, и малыш инстинктивно обхватывает его во сне. У него маленькие ровные пальчики и тонкие ноготочки. Все хрупкое, точно игрушечное, но он держит меня так крепко, словно боится потерять. И я ощущаю его силу.

Мой сын больше не в моем животе, он здесь — рядом со мной. Но я все еще чувствую, что мы — единое, неделимое целое. У нас на двоих одни мысли, одни чувства, одно дыхание. Он — частичка меня.

— Ты так похож на папу, — хрипло произношу я.

И мои дрожащие ресницы снова застилают слезы. Мне не верится, что природа могла произвести столь совершенное создание. Он великолепен, и мне хочется рыдать от осознания того, что это я смогла подарить ему жизнь.

Вечером в нашу палату стучится медсестра и зовет меня на осмотр.

— Я думала, что утром посмотрят, — говорю я, поднимаясь с кровати и поправляя больничную ночную рубашку.

— Доктор заступила на смену и решила провести осмотр, — бросает на меня уставший взгляд девушка. — Вы же сами просили выписать вас пораньше, разве нет?

— Да-да, — я надеваю тапочки. — А как же... — Смотрю на спящего в прозрачном кювезе Ярослава.

— Он же спит, — смотрит на меня как на дурную медик.

— Я так не могу, — признаюсь я.

Все эти ночи у меня не получалось полноценно спать из-за того, что я слушала дыхание сына. Специально прикатила к своей кровати этот кювез и по десять раз за ночь вставала: проверяла его, поправляла валики из пеленок, которые подкладывала ему под спинку, чтобы он удобно лежал на боку.

Я не знала, как называется эта сумасшедшая штука, которую ученые зовут простым словом «инстинкт». Для меня это было какое-то дикое чувство ответствен-

- Мой желанный враг -

ности, важности и заикленности на человеке, почти на грани безумия: я ни на секунду не хотела отходить от своего дитя.

— Да вы же быстро, — пожимает плечами девчонка в белом халате.

Да что она понимает? Молодая еще, сопливая! Я и сама немногим старше, но уже знаю, каково это: выносить ребенка, родить его в муках, а затем ощущать, будто ты пришита к нему невидимыми нитями.

— Может, вы останетесь с ним? — мнусь я, вцепляясь пальцами в край кювеза.

— Господи... — закатывает глаза медсестричка. — Да отнесите вы его в детскую комнату!

— Хорошо, — соглашаюсь я.

Видела я эту детскую комнату. И воспоминания не навевали ничего хорошего. Десятки малышей в прозрачных кювезах, стоящих в ряд у стены. Все туго запеленатые, кричащие наперебой и оставленные без присмотра. Когда я пришла в себя после родов, первым делом встала и, покачиваясь, направилась искать своего сына. Нашла в конце отделения, в этой комнате, куда посторонним вход воспрещен.

Пришлось долго жать на звонок и слушать, как надрываются младенцы там, за дверью. Мне открыла хмурая женщина в белом халате, спросила, из какой я палаты, велела отправляться обратно и захлопнула дверь прямо перед моим носом. Все, что я успела заметить, это кровати с новорожденными за стеклом, в конце этой комнаты.

Наверное, мне нужно было позвонить и пожаловаться мужу на здешние порядки, ведь он же платил им деньги за сервис и соответствующее отношение, но, подумав, что все это делается работниками клиники из соображений безопасности, я решила не скандалить.

Тем более что женщина тут же появилась из-за двери — уже с моим Ярославом на руках. Она проводила меня обратно и вручила сына. С тех пор и до этого момента мы с ним не разлучались ни на минуту.

И вот я снова иду в детскую комнату и вручаю медикам своего сына. Уже другая работница деловито подхватывает его и захлопывает передо мной дверь. Я бреду в смотровую, прокручивая в голове все виды опасностей, которые могут грозить Ярославу: от того, что его уронят или застудят, до того, что оставят без присмотра, и он срыгнет и подавится.

И откуда только во мне эти мысли? Похоже, я действительно становлюсь сумасшедшей.

— Добрый вечер, Полина. Проходите, — улыбается доктор.

Ее помощница стелет на кресло одноразовую пеленку.

— Здравствуйте, — улыбаюсь я.

Все мои мысли там — с сыном.

— Как себя чувствуете? — интересуется она.

— На удивление, замечательно, — признаюсь я, снимая белье. Устраиваюсь на кресле. — Еще позавчера ощущение было такое, будто по мне проехался танк.

— Так бывает всегда, — смеется она, приступая к осмотру.

Трогает грудь, мнет живот, затем щупает меня изнутри.

— Угу, угу, — бормочет доктор, не обнаружив сгустков или чего-то подозрительного. — Ну, все хорошо. Завтра утром ребенка осмотрит врач, и поедете домой.

Она вежливо улыбается.

- Мой желанный враг -

— А может, сегодня можно? — спрашиваю я, опуская вниз ноги. — Я бы позвонила мужу... Раз уж все хорошо, как вы сказали.

Врач переглядывается со своей ассистенткой.

— Ну, хорошо, — сдается она. — Только вы должны обещать мне, Полина, что если почувствуете себя плохо, если вдруг поднимется температура или усилится кровотечение, то вы сразу вернетесь сюда.

— Конечно! — радуюсь я.

— И позвоните мне на днях. Как раз придут результаты исследований.

Все что угодно, лишь бы не сидеть дольше в четырех стенах.

— Тогда я сейчас запишу для вас свои рекомендации, — говорит женщина, снимая перчатки.

Я уже не слышу ее, все мои мысли рядом с сыном.

Забрав его из детской комнаты, торопливо направляюсь в палату. Кладу кряхтящий комочек в кювез, достаю из-под подушки телефон и спешно набираю мужа.

— Да! — радостно восклицает он.

— Привет, Вик, я так рада, что ты ответил!

Слышно его шумное дыхание. Очевидно, он куда-то идет.

— Я только прилетел, еще в аэропорту. Как вы там?

— Родной, нас отпускают пораньше. Может, забережь по пути?

— Правда? — едва не задыхается он от счастья.

— Да, я уже собираю сумку, приезжай.

— Уже сажусь в машину, — говорит он. Слышно, как хлопает дверца автомобиля. — Не могу поверить, что мы сейчас увидимся.

Бросаю в сумку свою одежду и косметику. Напоследок оставляю памперсы и средства гигиены для

малыша: они пригодятся для последнего переоборудования.

— А я не могу поверить, что наконец-то окажусь дома, — выдыхаю я.

Тут хоть и сервис: отдельная палата, питание, телевизор, душ и прочее, но все равно все какое-то чужое, холодное. К тому же я устала, и мне больше не хочется видеть посторонних. Нам с малышом нужен покой.

— Потерпи, любимая, я уже лечу, — обещает Виктор. — Скоро мы будем вместе.

Он знает, как я ненавижу больницы.

— Жду, — говорю я и целую телефон на прощание.

Ярослав, не дожидаясь, пока я закончу сборы, открывает глаза и всхлипывает. Первое же движение собственными ручками и ножками пугает его настолько, что он заходится отчаянным криком.

— Я здесь, сладкий, — умиляюсь я.

Протягиваю руки, беру сына и прижимаю к себе. Он еще совсем кроха, поэтому я помогаю ему найти грудь. Когда малыш начинает сосать, меня вновь захлестывает какое-то необъяснимое чувство. Его запах, его голос, тепло и бархат его кожи — это самое волшебное из всего, что мне раньше приходилось ощущать.

Ярослав ест и, кажется, смотрит на меня. Я понимаю, что в этом возрасте он не может видеть меня четко, но для него сейчас самое главное — быть со мной рядом, ощущать тепло моей кожи, уют и безопасность. Я сажусь на кровать и долго наблюдаю за тем, как он старается. И меня распирает от гордости. Вот он — мой малыш. Мое будущее. Я покажу тебе весь мир, дам защиту от всех невзгод. Я всегда буду рядом, сынок.

- Мой желанный враг -

Через полчаса я кладу ребенка на столик, меняю подгузник и надеваю на него белое боди с длинным рукавом и милую белую шапочку. Ярик похож в ней на гномика, и поэтому я улыбаюсь. Заворачиваю его в одеяльце с вышивкой, которое подарила мама, и начинаю ходить из угла в угол, покачивая малыша на руках.

Мы ждем выписку. Для Виктора это простая формальность, бумажка. Если захочет, он заберет меня отсюда без всяких документов, стоит только захотеть. Но я еще не привыкла к тому, что деньги решают все, и мое воспитание не позволяет мне поторопить медработников. Я говорю мужу, что собираюсь, и он упрямо ждет нас в холле.

И вот заветная бумага у меня на руках. Я передаю сына сотруднице клиники, быстро переодеваюсь в брюки и кофту, которые теперь слишком широки мне, и мы вместе выходим из отделения и спускаемся вниз.

Мое сердце колотится как бешеное.

Я ужасно волнуюсь, когда вижу мужа. Он в белой рубашке и строгих брюках — только что из деловой поездки. На его лице проглядывает щетина, а глаза сияют от счастья. В руках огромный букет красных роз. Виктор целует меня, протягивает цветы, и сотрудница клиники торжественно вручает ему сопящий сверток.

Я прижимаю цветы к груди и с волнением наблюдаю за тем, как муж рассматривает нашего сына. На его лице не отражаются эмоции, поэтому меня начинает слегка лихорадить. Кажется, Вик в шоке, и ему трудно дышать.

У меня кружится голова, и я прикусываю щеку изнутри, чтобы не потерять равновесия. В этот самый момент супруг поднимает на меня взгляд, полный слез, и дрожащим голосом говорит: